

Если попытаться несколькими словами определить сущность Георгия Соловьева-критика, то, думаю, ими будут цельность творческой личности. То есть с первых серьезных публикаций 1990 года («Динамика конъюнктуры» [3], «Не лукавя с истиной» [4]) до последних («Падения и взлеты Владимир Маканина в зеркале оксюморона» [5], «В лабиринтах псевдокультуры» [2]) Георгий Соловьев был неизменно последователен в утверждении ценностей, традиционных для русской литературы и отечественной мысли.

Писать молодому критику о критиках, как правило, сложнее, чем о прозаиках или поэтах. Для этого критику необходимо иметь сформировавшееся мировоззрение и систему ценностей, обладать необходимым профессиональным инструментарием и большими знаниями, позволяющими рассматривать произведение, творчество писателя в литературно-критическом, религиозно-духовном, историко-философском и иных контекстах. Статья «Не лукавя с истиной» – свидетельство того, что 22-летний Георгий Соловьев названными качествами уже обладал.

В этой работе, характеризуя первые книги критиков Павла Горелова и Александра Казинцева, Соловьев очень часто выходит за рамки традиционной рецензии. В данной статье краснодарский

автор определяет свое понимание литературы и критики. По утверждению Соловьева, «моментом истины, нравственным камертоном» произведения, творчества писателя являются народность и патриотичность его позиции [4, с. 92].

Народность – ключевое понятие в мире Соловьева-критика. Он, продолжая традиции славянофилов XIX века, «правых» критиков XX столетия (Михаила Лобанова и Юрия Селезнева в первую очередь) в статьях разных лет народностью поверяет творчество десятков писателей разного творческого масштаба: Юрия Полякова, Дмитрия Балашова, Иосифа Бродского, Даниила Гранина, Василия Гроссмана, Николая Зиновьева, Юрия Ластовкина, Натальи Тованчевой и др. И тон этого разговора, позволяющего отсеять зерна от плевел, литературу от псевдолитературы, разговора длиною в творческую жизнь, был задан именно в статье «Не лукавя с истиной».

Обращение к книгам П. Горелова и А. Казинцева обусловлено, думаю, и общностью взглядов на литературу, народоцентризмом сознания и тем, что молодые критики, по мнению Соловьева, были «выше ортодоксальных догм так называемых «групповых пристрастий» [4, с. 92]. Надпартийная, наднаправленческая, надгрупповая беспристрастность отличает самого Соловьева

ва-критика, о чем свидетельствуют, например, следующие его статьи: «Динамика конъюнктуры», «Размышления о ненастоящей литературе, или Геморрой нашего времени» [6].

Есть, думаю, еще одно качество, объединяющее Соловьева с героями его статьи. Из послесловия Вадима Кожинова к книге Павла Горелова «Кремнистый путь» Соловьев неслучайно приводит только следующие слова известного критика: «...литературный максимализм, стремление к предельной высоте требований, предъявляемых литературе» [4, с. 93]. А через 25 лет в статье о Юрии Селезневе кубанский критик отмечает аналогичное качество своего великого земляка [1, с. 172]. Из комментариев же Соловьева к литературному максимализму Павла Горелова и Юрия Селезнева следует, что он сам как критик, по меньшей мере, по двум причинам приверженец такого подхода. Во-первых, только соотнеся творчество автора с «лучшими образцами русской классики» мы сможем определить его настоящее значение, его место в литературе или псевдолитературе. Во-вторых, только отношение к критике как к выразителю и защитнику «русских идеалов и святых», как к ответственному и главному делу всей жизни, позволяет «зоилу» состояться и, быть может, попасть в разряд, по терминологии Соловьева, «высокой критики» [1, с. 171, 172].

К этой критике автор статьи «Не лукавя с истиной» не относит таких известных «зоилов», как Карен Степанян, Евгений Сидоров, Бенедикт Сарнов, Виктор Ерофеев. И дело здесь не в молодости Соловьева, тем более не в его «литературоведческой близорукости», что позже справедливо увидел краснодарский критик в статье Вячеслава Огрызко о Юрии Селезневе [1, с. 174]. Для 22-летнего кубанского автора названные московские критики – идейно-творческие и человеческие

антагонисты, с которыми его принципиально разнят взгляды на русскую литературу, критику, историю, народ, Россию. В этом противостоянии с «левыми» критиками-тяжеловесами проявились бойцовско-профессиональные качества Соловьева-критика: умение смело, резко, всегда аргументированно, часто иронично вести полемику с любым оппонентом.

Конечно, в статье «Не лукавя с истиной» у Георгия Соловьева были серьезные и надежные «помощники» – Павел Горелов и Александр Казинцев. С их помощью он наносит двойной удар по критикуемым авторам. В таких случаях проявляется и умение Соловьева выбирать самые показательные суждения как сторонников, так и оппонентов, сопровождая их своими – часто в скобках – комментариями. Этот прием Соловьев активно использует на протяжении всего творчества. Приведу отрывок из статьи 1990 года, где речь идет о книге Казинцева «Лицом к истории». Этот отрывок воспринимается в 2018 году как написанный сегодня (а это еще одна из черт настоящей «высокой критики»).

«Как верно подмечает Казинцев, эпической по своей сути формуле “человек – народ” В. Гроссман противопоставляет формулу абстрактно-призрачного “отдельного человека”. Один из героев “Жизни и судьбы” – Мадьяров декларирует: “Все мы прежде всего люди, понимаете, люди, люди, люди. А потом уж... архиереи, русские, лавочники, татары...” (Эта формула вообще стала путеводной звездой для наших “неорадикалов”, начиная от широко известного Евтушенко до дежурного хориста Эдмунда Иодковского. Однако взгляды в этот образ: миллионы новоявленных Ларр, бия себя в грудь, истошно кричат: Я! Я – Вселенная...” И кругом, понят-

ное дело, разруха – все “самоутверждаются”. Жизнь же строят не разобщенные отдельные люди, а все-таки народ, то есть личности, единство которых питают национально-государственные идеи»).

Тип гроссмановского “отдельного человека”, отмечает молодой критик, “как в какой-то причудливой игре складывается из отрицаний: без национальности, без профессии, без социального статуса. Отрицаний много, но где же характерные, определяющие черты? Лик расплывается в неясное пятно”. Ан, нет. Образ все-таки потихоньку обретает контуры – не русский. Русские у Гроссмана, как правило, мерзавцы или холуи. (Да и как иначе? Россия – тысячелетняя раба, как скажет позже он в повести “Все течет”. А какова Россия-мать, таковы и ее дети...)» [4, с. 95].

Статья «Падение и взлеты Владимира Маканина в зеркале оксюморона», написанная Соловьевым в последний год жизни, – одна из лучших работ о творчестве Маканина вообще. Сегодня многие критические статьи производят впечатление, что их авторы не читали или читали бегло те произведения, о которых они пишут, ибо отсутствует конкретный анализ конкретных произведений и преобладает разговор, в котором «Я» критика подменяет «Я» писателя. В отличие от такого типа статей работу Георгия Соловьева можно назвать образцовым или почти образцовым критическим исследованием. В нем анализируются пятнадцать разножанровых произведений Владимира Маканина.

Большая часть критиков характеризовала и характеризует Маканина как цельную творческую личность. Показательны в этом отношении статьи-отклики на смерть Маканина Владимира Бондаренко, Юрия Козлова, Дмитрий Быкова и

других, появившиеся в ноябре 2017 года. В отличие от многих авторов, Георгий Соловьев справедливо выделяет два качественно разных периода в творчестве Маканина.

Характеризуя первый период Юрий Соловьев на примере разных произведений 1970 – начала 1980-х годов ищет ответ на вопрос: каким образом преодолевается несовершенство человека, мира, «безобразия жизни». Ответ (часто от противного) в конце концов прост: через самопожертвование, любовь, творчество, сопряженное с другими, с народом, что наглядно проявилось в повести «Где сходилось небо с холмами».

О втором периоде творчества Маканина Соловьев говорит более подробно и аргументированно. Приведу два характерных высказывания критика о повести «Один и одна» и романе «Андеграунд, или Герой нашего времени». Думаю, эти высказывания бесспорно свидетельствуют о мастерстве Соловьева-критика.

«Но повествование, казалось бы, нацеленное на диалог с читателем, на его активную сопричастность, на деле представляет собой монологи героев, которые не слышат никого, кроме себя. Герои одиноки в жизни, они живут умозрительными ценностями, зараженные памятью об идейно-нравственной атмосфере, сформировавшей их эпохи 60-х. Им не удается преодолеть стереотипность своего мировосприятия и прийти к простым началам человечности, что и приводит героев к драме... Но вот симптоматичный нюанс – не к личной драме Геннадия Павловича и Нинели Николаевны (это в повествовании тоже есть), а к драме всего поколения “шестидесятников”» [5, с. 90].

«Одним словом, вновь реальность препарируется по законам оксюморона. Маканин подчеркнуто стремится выразить в романе ощущение

духовной пустоты. Духовной пустоты, как предвестника духовного катарсиса (как хотелось бы ожидать)? Нет, нравственные истины романа, на наш взгляд, оказываются рассудочно-холодными – они не наполняются кровью, не облекаются в плоть реальной жизни, в результате ослабевают важнейшие связи между характерами героев и действительностью и... И умозрительная ответственность сюжетных построений тогда сама бросается в глаза» [5, с. 91].

Практически во всех своих статьях Георгий Соловьев – в разном объеме – рассуждает о том, что есть собственно литература. В последней работе, написанной за три месяца до смерти, в работе с говорящим названием «В лабиринтах псевдолитературы» Соловьев прежде чем начать разговор о «литературном гламуре», о «современных литературных кроликах с претензией на художественность», высказывает ряд общих критико-литературоведческих суждений. Он, говоря о существовании хорошей и плохой литературы, как об очевидном факте, делает акцент на гендерных особенностях словесности: «Но если мы признаем гендерную разницу между мужчиной и женщиной, то, вероятно, нужно признать и то, что самопознание, самовыражение женщины в слове, ее взглядах на мир и на себя в мире в чем-то (а может, и существенно) отличается от мужского» [2, с. 137].

Критик не выделяет типы женщин и соответствующие им религиозные, культурные, духовные, нравственные, эстетические ценности, направления и т.д., (что, например, сделал бы я), Соловьев говорит о том качестве, каким должен обладать писатель вообще: «Чувствовать жизнь – это, скорее всего, все же понимать время, главное в нем; видеть то, что отличает нынешнее от прошедшего, не только в делах,

но и в мыслях, настроениях, движениях души» [2, с. 137].

В данной статье Георгий Соловьев убийственно-доказательно характеризует псевдолитературу, тексты, рожденные «в импотентной духом Москве и ее окрестностях», тексты Оксаны Робски, Лены Лениной, Сергея Минаева и других. Справедливо эти тексты Соловьев выносит за пределы русской литературы, относя их к «русскоязычному чтиву».

Вполне закономерно, что Георгий Матвеевич – один из лучших знатоков творчества писателей, рожденных на Кубани, рассматривает проблему псевдолитературы на примере местных якобы писателей. Наталью Тованчеву критик называет кубанским клоном лениных и робских и характеризует ее жизненный путь так: «Начинала будущий писатель корреспондентом в университетской газете с симптоматичным именем “По заветам Ленина”. Потом работала в пресс-службе администрации края уже по заветам тогдашнего губернатора Николая Егорова, потом газетный корреспондент с головой окунулась в реформирование кубанского телевидения и даже возглавила ГТРК «Кубань». Логично, естественно, было столь многосторонней в творческом плане личности, подбираясь к шестидесятилетнему юбилею, взбороздить и литературную ниву» [2, с. 138]. Отдадим должное иронии критика, через которую выражена его человеческая и творческая позиция.

По-другому – открыто и в ином эмоционально-интеллектуальном регистре – авторская позиция выражена в заключительной части статьи, где автор вновь возвращается к теме литературы и псевдолитературы, соотнося их с реалиями современной жизни. «Конечно, наше общество не без изъянов (поспешу оградить себя

от обвинений в слепоте): паутина коррупции; безбашенность криминалитета; проституция, воспринимаемая как стиль жизни; неприглядный быт люмпинизированного населения – все это реалии сегодняшней России<...> Поэтому, отнюдь не зовя к приукрашателству (пусть этим занимаются политтехнологи и пиарщики), призываю к объективности. Когда литератор начинает не творить, а имитировать (описывая торопливо вид из полузашторенного окна и думая при этом, что чувствует и отображает горизонты современности), тогда и появляется обличительная псевдоправда, называемая еще литературным браком» [2, с. 140].

Закономерно, что в таком контексте возникает вопрос о «диагностах», о критиках, которые должны называть литературный брак браком. Через следующие слова Самуила Маршака Георгий Соловьев, думаю, выражает свое понимание назначения критики: «Критика необходима, как необходим фонарь, освещающий улицу. Без нее возможны уличные происшествия» [2, с. 141]. И таким очень ярким фонарем, освящающим нашу литературную улицу, на протяжении всего творчества был, несомненно, критик Георгий Соловьев. Осмысление масштабов его творческой личности только начинается. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Соловьев Г. Авторская позиция в литературно-критических статьях Ю. И. Селезнева // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы первой Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 9–10 октября 2014 г.). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. 589 с. 150 экз. С. 171 – 175.
2. Соловьев Г. В лабиринтах псевдолитературы // Родная Кубань. 2017. № 1. С. 137–141.
3. Соловьев Г. Динамика конъюнктуры // Кубань. 1990. № 3. С. 91–97.
4. Соловьев Г. Не лукава с истиной // Кубань. 1990. № 4. С. 92–96.
5. Соловьев Г. Падения и взлеты Владимира Маканина в зеркале оксюморона // Литература – журналистика – критика: мир и бой. Сборник трудов. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2017. 222 с. С. 87– 93.
6. Соловьев Г. Размышления о ненастоящей литературе, или Геморрой нашего времени // Слово. Нравственность. Закон. Сборник научных трудов, посвященных юбилею проф. А. В. Осташевского. Краснодар, 2009. С. 399 – 405.